

Геннадий Гребенник

Записки обитателя одесского истфака*

7

Надо сказать, что просто история как описание феноменального мира меня не устраивала. Меня тянуло на глубину, где сияют своим таинственным блеском онтологические структуры. Готовя себя «в ученые», я считал, что методология истории в самой истории не содержится, ее надо искать в философии. Поэтому третий и четвертый курсы у меня прошли под знаком философии. А философия у нас была представлена историей философии, диалектическим и историческим материализмом.

Историю философии читал нам молодой профессор Владимир Николаевич Костюк. По моей прикидке, тогда ему было 39 лет. С первого взгляда было ясно, что перед нами незаурядная личность.* Он читал историю философии весело, с интеллектуальным блеском, как увлекательное приключение мысли, которая путешествует из одной эпохи в другую, «переодеваясь» соответственно времени. Философ – человек на все времена.

Под впечатлением от лекций В.Н. Костюка я погрузился в чтение древних философов в надежде почерпнуть у них мудрости. Нельзя сказать, что именно Костюк вызвал у меня интерес к философии, просто он вовремя «подбросил дровишки в разгорающийся костер». Для начала я прочитал и законспектировал диалог Платона «Апология Сократа». С тех пор я открыл для себя Платона, а личность Сократа навсегда сделалась фактом моей лич-

---

* Окончание. Начало в кн. 45-47.

** К тому времени за его плечами были истфак, мехмат, защита кандидатской и докторской по философии. Позднее, уже работая в Москве, он защитил еще и докторскую по экономике. Думаю, это позволяет судить о его возможностях.

ной культуры, читай: нравственности. Идти на смерть ради своих принципов, утверждать свою свободу в экстремальных условиях могут только люди, убежденные, что основу жизни человека составляют абсолютные ценности. Большинство людей не готовы жить с абсолютами в душе, и все, что с нами происходит сегодня плохого, проистекает из этой неготовности.

Знаменитый монолог Гамлета у Шекспира начинается словами: «Быть или не быть – вот в чем вопрос». Каково было мое удивление, когда я прочел слова Парменида, сказанные в VI в. до н. э.: «Быть или вовсе не быть – вот здесь разрешение вопроса». Похоже, есть основание заподозрить великого драматурга в плагиате. Впрочем, дело не в этом. Просто тема «вечная»: чтобы человеку быть, надо человеком быть.

Еще у одного знаменитого древнего грека, Эпикура, прочел я слова, полностью созвучные моему тогдашнему умонастроению. Из письма к Менекею: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией, ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перезрелым для здоровья души».

Признаком высокого класса лектора-преподавателя является способность «зацепить» студента, вызвать у него неистребимое желание погрузиться в книги, чтобы узнать из них больше о том, что услышал на лекции.

Курс диамата начал читать нам также В.Н. Костюк, но дочитать его до конца, к большому сожалению для нас, он не смог, поскольку был приглашен на работу в Москву. Вместо него кафедра философии прислала преподавателя по фамилии Зуев. Разница, что называется, была ощутимой. Замечательной особенностью преподавания Костюка было то, что он о сложных вещах говорил просто, давал ясные и четкие формулировки. Зуев был маленький шуплый человечек, которого, судя по всему, изводила какая-то серьезная хвороба. Из-за внешнего вида мы его прозвали «жертвой Бухенвальда». Зуев имел манеру быстро ходить между рядов. Из того, что он говорил, половину понять было невозможно. Через пятнадцать минут лекции он резко останавливался, замирал, смотрел на доску, где начертал, видимо, магические для себя знаки, оборачивался и извиняющимся голосом говорил:

«Нет, это не так. Зачеркните все. Начнем сначала». Следующий отрезок из пятнадцати минут заканчивался все тем же: «Зачеркните все, что вы написали!». В конце лекции я обзирал свой конспект. Он имел жалкий вид перечеркнутых страниц. На примере Зуева я усвоил урок: *не всегда следует демонстрировать студентам свой поток сознания, а то может возникнуть впечатление, что вы бредите наяву.*

Истмат нам читала профессор Ирина Марковна Попова (1931-2008). Я хорошо запомнил, как мы с ней познакомились. Она начала нам читать первую лекцию. Манера чтения у нее была суховатая, неэмоциональная. В перерыве между полупарами я вышел в коридор и оперся спиной на перила лестницы. Позже из аудитории вышла она, немного постояла у стенда, затем решительно направилась ко мне и спросила мое мнение о том, понравилось ли мне то, как она преподносит материал. Я был уверен, что передо мной вчерашняя аспирантка, начинающий преподаватель, поэтому покровительственно успокоил: «Ничего, для начала неплохо». Каково же было мое смущение, когда в расписании занятий я прочитал: «проф. И.М. Попова».

После третьего курса я по ее приглашению участвовал в социологическом исследовании, проводил анкетирование в селах Красноокнянского района Одесской области. Это была целая эпопея. На основании полученных данных написал работу на республиканский конкурс студенческих работ. В Киеве ее оценили дипломом второй степени. Университет наградил меня первой и единственной в моей жизни денежной премией за активное участие в студенческой науке. Мы ее славно пропили в ресторане «Кавказ», который был тогда на улице Степана Халтурина, ныне Гаванной.

Ирина Марковна Попова была крупным ученым-социологом, настоящим профессионалом. Естественно, я присматривался к ее мыслительной технике. Ирина Марковна имела чисто позитивистский склад ума. Ее метод хорошо характеризует словечко «корректно». Нужно корректно использовать понятия для интерпретации полученных полевых данных. Для этого нужно из категориального аппарата выстраивать собственную методологическую призму. Методологию надо «вытаскивать» из собственно-

го исследования. Мне кажется, что к этой мысли я пришел не без влияния Ирины Марковны.

Методологическая культура – это культура работы с понятиями, категориями. Без нее качественное научное исследование невозможно. К сожалению, в мое время среди историков на факультете не было человека, который смог бы донести до нас важность методологического инструментария. Принцип историзма – вот и все, чем мы реально располагали. Но были философы и была философская культура. И слава Богу, что на моем студенческом пути встретились такие личности, как В.Н. Костюк и И.М. Попова.

Оглядываясь на пройденный путь, я с удивлением отмечаю, что мое увлечение философией во время учебы на историческом факультете вылилось, в конце концов, в то, чем я теперь уже много лет занимаюсь – в преподавание истории политической мысли, в разработку вопросов теории политической философии.

8

Было бы странно, если бы среди тех, кто оставил яркий след в моей душе, не нашлось места декану исторического факультета Заире Валентиновне Першиной (1925-2003). Она была деканом очень долго, лет пятнадцать, практически целую эпоху.

Заира Валентиновна имела выразительную внешность. Чуть полноватая, темноволосая, красивая, ухоженная и властная женщина. Глаза карие с зеленоватым оттенком, холодные, цепкие, взгляд пронизательный, я бы даже сказал, пронизывающий, губы тонкие, всегда готовые скривиться в презрительную усмешку. Булгаковский профессор Преображенский признавался в том, что «не любит пролетариат». З.В. Першина (ЗВП) таких заявлений не делала, но пролетариат она точно не любила, хотя и написала историю завода имени Январского восстания. Она была, что называется, женщиной из первого ряда. В ней было что-то от барыни. Берите больше: императрица! Ее аналог в мире природы – хищная кошка, тигрица. На всех языках мира облик Заиры (так мы звали ее между собой) сигнализировал студентам истфака: «Осторожно! Опасно для жизни!».

У Герцена есть высказывание (цитирую по памяти): в России трудно сказать, где заканчивается интеллигенция и начинается администрация. В случае с ЗВП можно определенно утверждать, что она решительно перешла эту границу и заняла свое место в рядах администрации. Интеллигентом она не была. Подозреваю, что интеллигенты ей были неприятны как альтернативный тип ее поведению. Но зато она была умна, хорошо разбиралась в людях и, когда ей было нужно, талантливо играла интеллигентность.

ЗВП уверенно руководила факультетом, культивировала византийский стиль управления. Мастер интриги. Она поддерживала жизнь во вверенном ей коллективе, как лесничий на своем участке. Кого нужно – «отстреливала», кого нужно – «прикармливала». Кого нужно? Ну, это вопрос не ко мне. Спокойно никто себя не чувствовал. Так, даже студенты знали, что она была «в контрах» со многими преподавателями. «Шахинечка!» – тихо под нос шипел Вукашин Мирашевич Милич таким тоном, что было ясно, что этот югославский политэмигрант, пострадавший от тоталитарного режима Й.Б. Тито, значительную толику своей ненависти к этому режиму перенес на Заиру Валентиновну. Петр Осипович Карышковский, когда был не в духе, мог грубо ругнуться в адрес ЗВП. Ей, конечно, об этом доносили. От Милича, будь ее воля, она давно бы избавилась, а Карышковского она не тронула бы при любых обстоятельствах. Я же говорю: она была умная женщина.

Кстати, византийская система управления не просто нуждается в негласных информаторах, она основывается на системе доноительства. И Заира ее создала. Так получилось, что годы нашей учебы пришлись на защиту ее докторской диссертации. Поэтому отсутствовала она частенько и подолгу: брала творческие отпуска, уезжала в научные командировки в Москву. Ее длительное отсутствие на факультете никак не сказывалось на ее информированности: аппарат наушников работал исправно. Достаточно сказать, что она была в курсе того, что делается в комнатах студенческого общежития.

Заира Валентиновна читала нам на третьем курсе историю СССР. Ее специальностью были Герцен, революционные демократы, народники, первые марксистские и рабочие организации.

Хронологические рамки – вторая половина XIX в. Лекции читала она хорошо. Обладала высокой культурой речи. Ни одного слова-паразита, которое резало бы слух. Голос поставлен, тембр голоса приятный, речь четкая, темп речи позволял легко конспектировать за ней. В общем, классика преподавательского жанра.

Мне врезался в память эпизод, когда я сдавал Заире экзамен. И не мудрено: кажется, я тогда вообще первый раз с ней разговаривал. Я отвечал ей по билету более-менее сносно. Уже к концу экзамена она меня спрашивает, кто из деятелей второго этапа освободительного движения вызывает у меня особенный интерес. Я задумался и вдруг, кажется, помимо воли из меня выскочило: «Катков!». Она удивленно посмотрела на меня и вслед за тем громко расхохоталась. Дело в том, что история XIX в. преподносилась нам исключительно под углом революционной парадигмы (три этапа освободительного движения), а Михаил Никифорович Катков был человеком противоположного лагеря. Он начинал с Белинским, они вместе посещали кружок Николая Станкевича, сотрудничали в журнале «Отечественные записки». Затем их пути разошлись. Катков стал публицистом славянофильского, почвеннического толка, то есть «реакционером». Он редактировал проправительственные «Московские ведомости». В 60-80-е гг. XIX в. он был очень влиятельным публицистом и эволюционировал от умеренного либерализма к крайнему консерватизму. Безусловный враг революционного движения. Поэтому о Каткове в советской литературе – практически ни слова. И вот советский студент на экзамене называет преподавателю-герценоведу в качестве своего героя имя злейшего врага Герцена. Тут либо наглость, либо, что называется, невпопад! А это уже смешно. С другой стороны, этот факт означал, что студент самостоятельно читал литературу, и не советскую, а дореволюционную. Значит, перед ней читающий, ищущий, думающий студент. Возможно, именно тогда Заира Валентиновна обратила на меня свое внимание.

Свойства капризного женского характера и приобретенные навыки руководителя слились в комбинацию, которая сделалась второй натурой Заиры. Ух, как она была прекрасна в гневе! Она буквально приходила в ярость. И как было страшно оказывать

ся предметом ее негодования! Она прошлась по судьбам людей, как танк по музейному паркету. Она слегка задела меня, и я отлетел от нее, словно щенок от ноги прохожего, – скуля и повизгивая.

Дело было в 1977 г. Я тогда учился на четвертом курсе – время конкретно думать о будущем, принимать судьбоносное решение. Жить стало тревожно: неопределенность беспокоила. И вдруг меня вызывают к декану. Я робко захожу к ЗВП в кабинет. Она приглашает сесть, смотрит на меня испытующим взглядом и спрашивает, как я вижу свое будущее. Я говорю, что, мол, хотелось бы заниматься наукой, поступить в аспирантуру, но...

И тут она мне говорит:

– А как вы насчет того, чтобы остаться на историческом факультете? У нас два преподавателя (называет их имена) находятся в пенсионном возрасте. Нам нужно подготовить им смену. Я к вам с первого курса присматриваюсь. Вы можете стать хорошим преподавателем. Я возьму вас к себе в аспирантуру.

Я потерял дар речи. Когда справился с собой, говорю:

– Я бы с большой радостью, но...

Она вопросительно подняла брови:

– В чем дело?

– Я – не член партии, а вы же знаете...

– А вы что, не хотите быть членом партии?

– Хочу, но моего желания мало. Вы же знаете, нужно, чтобы райком дал анкету.

– А вы уже писали заявление?

– Нет, но без райкомовской анкеты это пустое дело.

– А вы попробуйте. Обратитесь к Виктору Николаевичу (Немченко, секретарь парторганизации истфака на то время. – Г. Г.).

Я вылетел из кабинета Першиной и бросился на улицу, на свежий воздух, чтобы переварить услышанное. Во мне играли смешанные чувства. Оказывается, я «под колпаком у Мюллера» с первого курса! Кошмар! Моя проблема неожиданно разрешалась, и так здорово, что я даже мечтать не мог. У дверей в аспирантуру стояла Партия и кандидату в ученые вручала билет. Тогда дверь открывалась. Если она билет не вручала, то дверь не открывалась. Это было правило, все другие варианты

были исключением из правила. Курс у нас был сильный, желающих поступить в аспирантуру хватало с избытком, конкуренция была высокой. На следующий день я подошел к В.Н. Немченко. Он был в курсе, сказал, чтобы я написал заявление, что я и сделал. А далее события развивались драматическим для меня образом.

Подошли октябрьские праздники. Упомянутый выше Гоша Пекарский пригласил меня поехать вместе с ним в село к его тете помочь убрать кукурузу. «Заодно и развеемся!» Я согласился. На праздники мы поехали в Любашевку и там весь день ударно трудились, убирая кукурузу. Нароботались так, что спина болела и руки тряслись. Зато вечером расслабились: качественная самогоночка, холодец из петушка, соленья из погреба. Засиделись далеко за полночь. Поздно утром встали, «полечились». Жизнь вновь обрела прелестные очертания. И мы решили не ехать в Одессу, а остаться еще на один день. Вернулись в город в день занятий и, конечно, их пропустили. На следующий день я пришел на факультет. После первой пары меня вызвали к декану. Когда я вошел в кабинет Заиры Валентиновны, она меня холодно спросила, почему я пропустил вчерашний день. Я сказал полуправду: ездили с Пекарским помогать его тете, но не смогли вовремя вернуться в город, поскольку автобус, на который мы рассчитывали, сломался. И тут Заира взорвалась:

– Как вы могли?! С Пекарским – все ясно, но вы, вы-то как могли так поступить? Вы все испортили! Берите бумагу и пишите объяснительную.

Я опешил. Пропуск занятий без уважительной причины считался у нас серьезным проступком, и все же столь бурная реакция декана была непонятной. Я вышел из кабинета с тяжелым чувством, что свершилось что-то непоправимое, и тут же, в деканате, стал сочинять объяснительную. Именно сочинять. Я создал образ немощной разбитой параличом старушки, которая с тоской смотрит в окошко своей покосившейся избушки. Дальше в духе Некрасова: «И только полоска не сжата одна». Тут чудесным образом являются два молодца-тимуровца, и бабушка спасена от верной голодной смерти. Я вернулся в кабинет, протянул Заире лист, она

взяла, пробежала глазами. Затем посмотрела на меня своим фирменным взглядом и сказала:

– Я сохраню это и покажу вам спустя несколько лет, чтобы вам стало стыдно. Вы – свободны.

Она сказала это таким тоном, как будто разорвала контракт. В течение следующего месяца я сильно переживал, находясь в полной неопределенности. Я испытывал состояние, близкое к депрессии. И когда, наконец, успокоился и свыкся с мыслью, что и без аспирантуры можно жить, ко мне вдруг подошел В.Н. Немченко и сказал, что если я не передумал вступить в ряды КПСС, то должен, в первую очередь, побеспокоиться о том, чтобы получить две рекомендации – от одного члена партии и одного члена комсомольского бюро курса. И вновь надежда ожила. В декабре 1977 г. я вступил в кандидаты в члены КПСС.

Впоследствии я узнал, что истинной причиной бешенства декана была деревенская свадьба одной пары с нашего курса. Вместе с ней гулять свадьбу отправилось еще целый ряд наших однокурсников. З.В. Першиной об этом донесли. Она считала, что и мы с Гошей были в их числе, то есть она думала, что я ей откровенно лгал. Все знали, что Заира вела бескомпромиссную борьбу с деревенскими свадьбами, которые длились от трех дней до недели. На собрании факультета она возмущенно говорила, что ей пишут слезные прошения о назначении стипендии вследствие тяжелого материального положения, а затем устраивают многодневную деревенскую свадьбу с приглашением сотен гостей. Возможно, она проверила и убедилась, что меня на свадьбе не было. Так или иначе, дорога в аспирантуру мне была вроде бы открыта, но разговор об этом Заира не возобновляла, а сам я спросить не решался.

Не помню точно, то ли в конце этого курса, то ли в начале следующего, пятого, мне предложил аспирантуру заведующий общеуниверситетской кафедрой истории КПСС профессор Н.М. Якупов. Здесь шла своя «силовая» игра, о которой я в то время не имел ни малейшего представления. Дело в том, что с третьего курса я учился на фуркации по истории КПСС. Следовательно, Заира Валентиновна, предлагая мне аспирантуру, залезла в чужой огород, поскольку Якупов имел негласное первоочеред-

ное право на меня. Заведующий общеуниверситетской кафедрой, Герой Советского Союза, периодически избираемый членом бюро одесского горкома или обкома партии, очень влиятельный в городе человек Николай Михайлович Якупов был совершенно независим от декана исторического факультета. Имея нагрузку на истфаке, он регулярно набирал аспирантов из числа далеко не худших студентов-истфаковцев, что, вероятно, приводило к столкновению интересов. Именно к Якупову я обратился за рекомендацией в партию. Наверное, он сообразил, что раз инициатива исходит от Заиры Валентиновны, то она имеет виды на меня, и сделал мне контрпредложение. Этим он поставил меня в щепетильное положение. Как честный человек я должен был кому-то отказать. Но Заира молчит, и остается ли ее предложение в силе, я не знаю. Когда не знаешь, что делать, лучше ничего не делать. И я решил подождать. Ждать пришлось до последнего – до распределения. В мае 1978 г. я вошел в знакомый кабинет декана. Там сидела комиссия из нескольких человек под председательством самой Заиры. Она спросила меня нейтральным тоном, куда бы я хотел пойти после окончания университета, и указала на «простыню» с адресами школ в районах благословенной Одесской области. И тогда я сказал, что иду на учебу в аспирантуру на кафедру истории КПСС. Она задержала на мне вопросительно-удивленный взгляд (чего она ожидала?), затем кивнула: «Хорошо!» – и опустила голову. Я поспешил расписаться в направлении, вышел из кабинета и облегченно вздохнул. Судьба решена! Я никогда не жалел об этом решении, поскольку стать аспирантом Заиры Валентиновны означало оказаться на годы во власти ее переменчивых настроений. Большая кошка играет, но в любой момент может и зашибить.

* * *

В 1995 г. мне понадобилась консультация Заиры Валентиновны по истории университета. Я попросил о встрече, она любезно согласилась. И вот впервые спустя два десятка лет я вновь сидел напротив нее в кабинете кафедры истории Украины. Она говорила, я слушал, и это давало мне возможность изучать ее. Вро-

де бы это была все та же, немного постаревшая, властная холерная женщина. Она смотрела на меня внимательным взглядом, и ко мне возвращалась прежняя неуверенность. И все же она была не та! Ее время безвозвратно ушло. Теперь она была «простым» профессором кафедры истории Украины. Без властной должности. Необходимость быть идеологическим цербером, амбиции отпали. Осталось то, что в ней меня привлекало: ум, ирония, идущая от знания жизни, внешняя культура отношений. На всем этом лежала печать актерского мастерства.

Она мне рассказывала о жесточайших проработках преподавателей университета во времена сталинских идеологических чисток. Один только факт: в 30-е вырубili кадровый состав до такой степени, что, например, кафедру истории Украины возглавлял Иван Иванович Погорелов, который пришел из депо, с рабфака. Закончил университет и сразу был назначен заведовать кафедрой, так как просто некого было ставить. Это полный аналог ситуации в армии того времени: полком, бывало, командовал безусый лейтенант, а дивизией – майор. Говорила она об этом, как мне показалось, без всякого осуждения режима, с позиций историка – такое было время, такая была система. В этом есть определенный «сенс»: меня самого раздражает манера некоторых наших историков-моралистов подходить к оценке событий прошлого с позиций современной концепции прав человека. Подозреваю таких историков в выполнении идеологического заказа создать выгодный фон для нынешней неказистой бардачной псевдодемократии. Но в данном случае, думаю, это была позиция, обусловленная ее отношением к системе власти. Она великолепно приспособилась к этой системе и где-то приспособила ее под себя. Много лет она была не просто функционером, а отличником системы, персонифицировала ее в наших глазах во всей своей красе.

О своем учителе философе Самуиле Яковлевиче Когане, у которого она писала дипломную работу, Заира Валентиновна сказала, что он мог бы в иных условиях стать вровень с крупными мыслителями, но тогда все сотрудники кафедр общественных дисциплин, в том числе философы, были «в рамках», и потому на тропу большой самостоятельности не вступали. Быть «в рамках»,

владеть наукой лицемерия, двоемыслия – кредо людей бюрократической карьеры, особенно в провинции. К науке это не имеет ровно никакого отношения, поэтому имя доктора исторических наук Заиры Валентиновны Першиной в ней не останется, зато в памяти ряда поколений студентов истфака ей навечно уготовано почетное место легендарного декана.

9

В течение всей учебы на историческом факультете мы усердно изучали предмет, который не значился в расписании. Мы изучали наших преподавателей. При этом относились к ним не как к живым и сложным людям, у которых есть свои проблемы, комплексы, слабости. Мы относились к ним как к мифическим персонажам и делили их на «хороших» и «плохих», на «добрых» и «злых». Впрочем, их комплексы и слабости нас очень даже интересовали с практической точки зрения. К одному преподавателю наши девочки шли в самых коротких юбках и платьях, которые у них были. Это был верный способ успешной сдачи экзамена. Другая преподавательница благоволила к мужественным студентам и придиралась к смазливим студенткам. К ней на экзамен ребята шли небритыми, а девушки – без макияжа. Третий был «либерал», к нему особенно не готовились, а на экзамене всю шпаргалили. Четвертый – «зверь»; его, как говорится, не обойдешь и не объедешь на кривой козе. В этом случае пахали на полную катушку, напряженно сдавали, а сдав, немедленно шли в «Гамбринус» отмечать победу разума над костной материей. В общем, все было как у людей.

Повторю, что мы относились к нашим учителям, как к мифическим персонажам, которые, как известно, существуют вне времени. Только один пример. Анна Михайловна Шабанова существовала до нас, при нас и после нас. Подразумевалось: так будет всегда. Несправедливо, если кто-то не пройдет испытание Шабановой. А может ли тот, кто не прошел через Шабанову, считаться настоящим истфаковцем? И вдруг мне сообщают, что Анна Михайловна умерла. Мгновенная мысль: как такое может быть, ведь мифические герои не умирают? И вторым темпом входит в со-

знание и заполняет его вместе с запоздалым раскаянием мысль, что за мифическим образом я не удосужился разглядеть реально-го человека из духа и плоти, у которого болело сердце, который честно стремился выполнять свой долг, учил нас всему, что знал сам. А мы в своем эгоизме были глухи и жестоки к ней, ибо видели в ней только *свою* «проблему Шабановой». С другой стороны, надо быть реалистом: откуда возьмется у начинающих взрослую жизнь мальчишек и девчонок такая жизненная мудрость?

Пожалуй, есть единственный способ отдать ей должное. Он заключается в следующем повороте сознания: если в моей памяти, в моей мысли я воспроизвожу образ Анны Михайловны, веду с ней мысленный диалог, критикую ее стиль преподавания, то это означает, что ее жизнь посредством моего сознания продолжается, что она продолжает оказывать свое влияние на моих студентов через меня, своего ученика. Это рассуждение касается, естественно, и всех других преподавателей, о которых я здесь вспоминал и размышлял. Так на самом деле осуществляется преемственность, эстафета поколений. И так отдается долг своей *Alma mater* – мистической институции, одновременно населенной всеми поколениями студентов-историков, и даже теми, кто еще не переступал порога истфака. Привет вам всем, земляки, из семидесятых!

